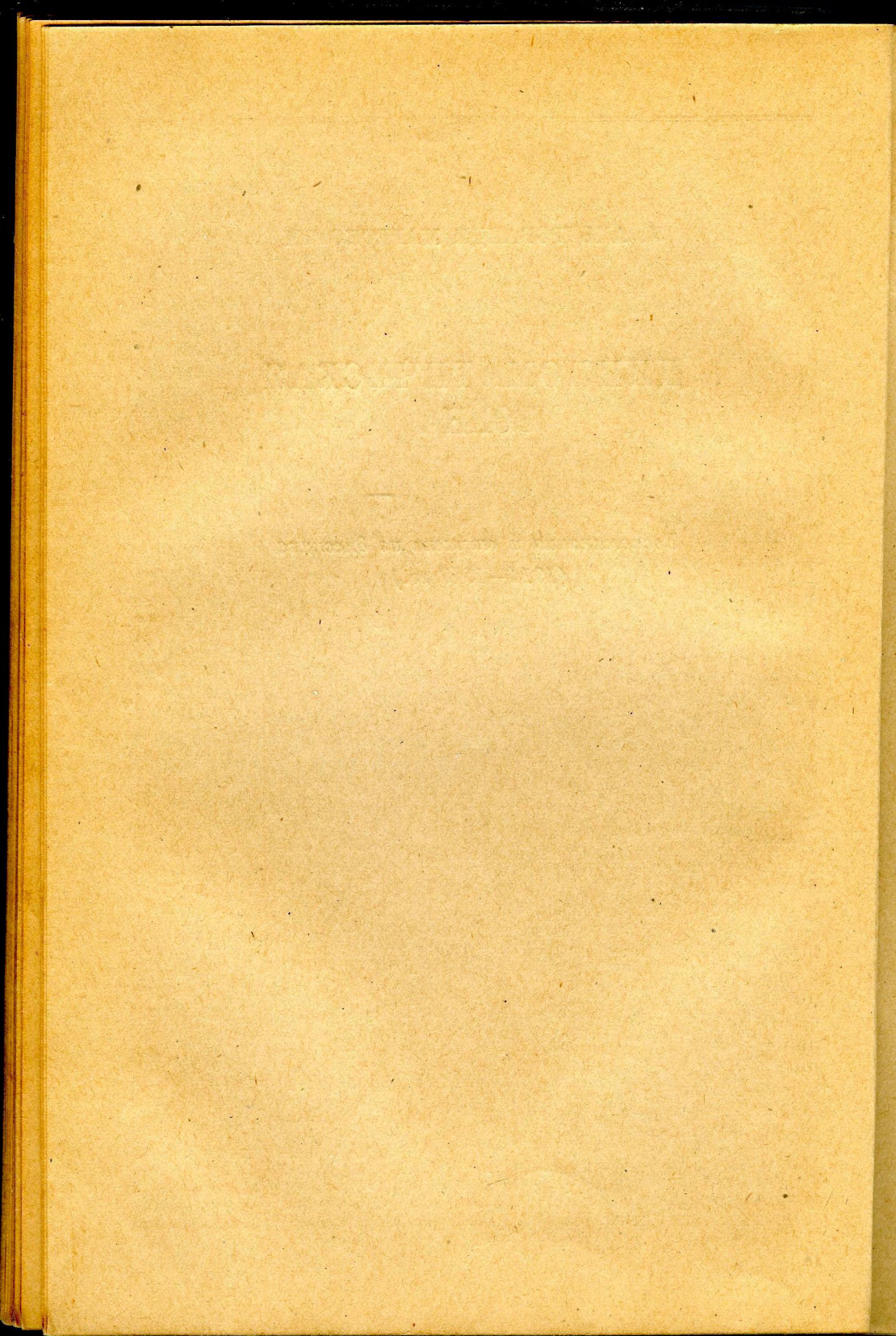

Л. АЛЬДРОВАНДИ МАРЕСКОТТИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
ВОЙНА

*Воспоминания и отрывки из дневника
(1914—1919 гг.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Итальянская война 1915—1918 гг., одна из самых ожесточенных и кровопролитных в мировом конфликте, не получила беспристрастного отражения ни в процессе самой войны, ни позже.

Даже друзья проявляли тенденцию обесценить это значение.

Едва ли нужно напоминать о том, что о нашем последнем наступлении, приведшем к победе при Витторио Венето,—о наступлении, в котором принимали участие столь незначительные вспомогательные силы,—в некоторых союзных газетах говорилось, как об «англо-итальянском» наступлении; не приходится напоминать и о том, что бюллетень нашей победы, в котором (в порядке признания оказанного нам содействия, но вместе с тем и для точного обозначения размеров этого содействия*) приводились подробные данные о силах союзников на нашем фронте, появился на страницах газет без указания этих данных.

После заключения перемирия с Австро-Венгрией, продиктованного нами 3 ноября на Вилла Джуги, 13 ноября в Белграде, по не вполне выясненным причинам, сербским воеводой и французским генералом, действовавшими в качестве представителей главнокомандующего восточной армией генерала Франше д'Эспере, с одной стороны, и эмиссаром графа Карольи—с другой, было подписано без нашего ведома нечто вроде вторичного перемирия с Венгрией. В документе этом в статье XVIII торжественно заявлялось: «Враждебные действия между союзниками и Венгрией прекращаются». Однажды текст этого «перемирия» цитировался на одном официальном заседании на Ка д'Орсе. Это побудило одного из присутствовавших при этом наших представителей, маркиза Сальваго Раджи, задать спокойным тоном вопрос мини-

* «Гигантское сражение, завязавшееся 24-го числа истекшего октября, в котором принимали участие 51 итальянская, 3 британские, 2 французские 1 чехо-словацкая дивизии и 1 американский полк против 73 австро-венгерских дивизий...»

стру иностранных дел Пишону и принудить его к запутанному объяснению и поспешному отступлению. Когда текст этот был вновь процитирован на заседании Четырех, Клемансо внес поправку, квалифицировав этот документ как «дополнительное соглашение»; но когда, беседуя однажды об этом с одним французским генералом, я выразил свое удивление по поводу некоторых статей названного документа, в том числе статьи XVIII, мой собеседник заявил мне, что в момент подписания этого документа командование восточной армии, быть может, не располагало еще (sic!) сведениями о перемирии, заключенном на Вилла Джусты за 10 дней перед тем. Когда на Парижской конференции в комиссии, собравшейся для проведения в жизнь предложения маршала Фоша об установлении медали участникам боев в войне союзников против центральных империй, зашла речь о цветах ленты для медали, кто-то предложил расположить цвета стран Согласия над цветами побежденной Германии, как будто войны против Австро-Венгрии и победы над ней—войны против одной из «самых мощных армий мира», которую разбила Италия,—никогда не существовало.

Но впоследствии в Италии и за границей, в особенности благодаря бывшим противникам*, были опубликованы важные документы, явившиеся подтверждением значения нашего участия в войне и доблести итальянского солдата, равно как и решающего значения нашей победы, вследствие чего вряд ли найдутся теперь достаточно бесстыдные писаки, чтобы, говоря о победительнице Италии, как это имело место в течение многих лет в Германии, приставлять к словам «победительница Италия» насмешливый восклидательный знак («*siegreich* (!) *Italien*»).

Что касается политической документации нашей войны, то в сравнении с иностранными монументальными изданиями и коллекциями мемуаров участие Италии пока выражается в издании незначительных, тенденциозных и непроверенных материалов, несмотря на то, что в Италии по этому вопросу были опубликованы важные исследования и мемуары.

Кроме изданной в мае 1915 г. «Зеленой книги», свидетельствующей о светлом уме и неоспоримой прямоте Сиднея Соннино, укажу из наиболее значительных по богатству материала и систематичности изложения на две книги: «Нейтралитет» и «Участие в войне» Антонио Саландры. Несмотря на то, что после выхода в 1916 г. из состава правительства Саландра участвовал в мирной конференции в качестве члена итальянской делегации, он заканчивает свои «Воспоминания и мысли» 1915 годом.

Сидней Соннино, единственный из министров иностранных дел

* Достаточно вспомнить Людендорфа и эрцгерцога Иосифа Габсбургского, а также нижеследующие фразы, сказанные последним по поводу настоячивых атак с нашей стороны и огромных размеров наших потерь: «Ничего подобного мне никогда не приходилось видеть»; «ничего подобного никогда не наблюдалось на других фронтах».

воюющих держав, бессленно находившийся на своем ответственном посту с ноября 1914 г. по июнь 1919 г., за эти пять лет был в курсе всех событий, сам все выстрадал, готовый отдать Италии свою «жизнь и все»,—не отказался от своей привычки молчать. В настоящей книге приведены типичные и неизвестные примеры этой молчаливости. Я имею в виду между прочим тот случай, когда Соннино с мужественной решимостью, но беря при этом на себя потрясающую ответственность, умолчал даже перед королем на совещании в Пескьере о мирном предложении, выдвинутом Австро-Венгрией на основе предвоенного *status quo*, в то время когда австро-германские войска перешли через Изонцо и Тальяменто, а в Берлине и Вене могли уже мечтать о том, что им удастся занять Ломбардию и Пьемонт и вызвать революцию в Италии. В течение пяти лет, которые я провел рядом с Соннино, и в послевоенный период я имел немало случаев убедиться в том, как хорошо подходят к нему те дышащие отчаянием и величием слова, которые он гордо, в дантовском стиле, выжег на высоких полках своей прекрасной римской библиотеки: «*Aliis si licet, tibi non licet—Nitor in adversum*» [если подобает другим—тебе не подобает, я иду наперекор].

Паоло Бозелли, мужественно принявший, несмотря на свои почти 80 лет, пост премьер-министра (июнь 1916 г.—октябрь 1917 г.), но заслоненный тенью Соннино, не оставил никаких материалов.

Виктор-Эммануил Орландо, преемник Бозелли, принявший власть в наиболее трагическую минуту нашей войны, но заявивший, что Италия будет продолжать борьбу даже ценой отступления в его родную Сицилию, и вынужденный проделать мученический путь мирной конференций (октябрь 1918 г.—июнь 1919 г.), опубликовал до настоящего времени лишь весьма краткие разъяснения в итальянских газетах и небольшие статьи в заокеанской печати.

Эти пробелы в итальянской политической документации, весьма незначительной в Италии и почти не существующей за границей, способствовали укреплению некоторых фактических ошибок и оценки их мировым общественным мнением. В течение многих лет продолжалась бесстыдная спекуляция на так называемом «предательстве» Италии. В 1926 г., приехав в Берлин в качестве посла, я убедился, что бессмысленное обвинение продолжает часто появляться в немецких газетах. Я сказал об этом г. Штреземану, заявив, что если клевету против Италии можно было понять как оружие пропаганды во время войны и до опубликования текста Тройственного союза, с очевидностью свидетельствующего о том, что две главнейшие статьи пакта были нарушены не нами, а нашими союзниками*, то продолжение этой лживой кампании свидетельствует о нечестности или глубокой некультурности писателей, пользующихся этой клеветой. С этого

* Ср. прим. на стр. 11 и 23.

дня бесстыдное обвинение больше не появлялось на страницах немецкой печати.

Подобные этим ложные обвинения, уже использованные неприятельской печатью с целью пропаганды во время войны, выдвигались против нас даже в период Парижской конференции и продолжали высказываться и после заключения мира писателями бывших союзных стран, хотя и старавшимися проявить при этом беспристрастное к нам отношение. Я имею в виду слухи, будто Италия в 1917 г. пыталась заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, о чем утверждал как-то в своем письме принцу Сиксту император Карл. Слух этот был еще недавно подхвачен г. Ллойд Джорджем и приведен в IV томе его «Военных мемуаров».

Во время войны и в продолжение мирных переговоров возникали и получили распространение новые легенды, задевавшие достоинство Италии. Достаточно упомянуть о некоторых из них: например, о том, что замещение генерала Кадорна состоялось будто бы по требованию иностранного представителя в Рапалло, затем — о бессилии итальянской делегации в Париже и неуместности ее ухода с конференции, хотя из официальных заявлений Орlando и Соннино явствует, что решение о замене Кадорны было принято на заседании совета министров, состоявшемся в Риме еще до того, как Орlando и Соннино встретились с союзниками в Рапалло; хотя итальянская делегация месяцами боролась против недоброжелательства и непонимания всесильного Вильсона и иногда брала над ним верх; хотя она была вынуждена возвратиться в Италию и выслушать мнение парламента, после того как Вильсон публично обвинил ее в том, что она не выражает воли нации.

Источником большей части публикуемых мной в настоящей книге воспоминаний и отрывков из Дневника являются записи, относящиеся к 1914—1919 гг. — периоду моего пребывания на посту начальника кабинета министра иностранных дел Соннино и генерального секретаря Италии на Парижской мирной конференции.

В этих отрывках и воспоминаниях, не представляющих собой систематического и законченного труда (в них, не вдаваясь в полемику, я намеренно ограничился приведением документов или прямых свидетельств), содержатся заметки, которые я пытался с соблюдением объективности и точности собрать для будущего историка.

Приводимые ниже выписки из Дневника, который я вел в течение пяти лет в бытность мою начальником кабинета министра иностранных дел, обнимают главным образом период времени, не превышающий немногих недель; остальное может быть опубликовано впоследствии.

Что касается той части настоящей книги, которая имеет более тесное отношение к итальянским делам, я должен выразить живейшую благодарность главе правительства, разрешившему мне воспользоваться хранящимися в архивах министерства иностранных дел документами для сравнения с ними моих воспоминаний.

нений. О протоколах междусоюзнических совещаний, составляющих столь значительную часть настоящей книги, я пишу в моих вступительных заметках к IV, V и особенно VI главе.

На всех междусоюзнических заседаниях, происходивших в период войны и мирной конференции, составлялись протоколы различных типов. Протоколами междусоюзнических заседаний могут считаться лишь те из них, которые были составлены при участии союзных секретарей (протоколы Верховного совета, Версальского совета военных экспертов, совещаний на Ка д'Орсе). На совещаниях Четырех, происходивших почти всегда у президента Вильсона, из числа секретарей присутствовали только Хэнки и я, а также профессор Манту в качестве переводчика*. Личные заметки сэра Мориса Хэнки об этих совещаниях, распространявшиеся им в тектографированном виде среди весьма ограниченного круга лиц, явились предметом обсуждения на заседании Четырех в Версале (с участием Соннино вместо Орlando, оставшегося в Италии), состоявшемся днем 28 июня 1919 г., тотчас же после подписания договора с Германией. Хэнки сообщил, что к нему из различных мест обращались за получением экземпляров его заметок, и просил инструкций. Вильсон энергично заявил, что в данном случае речь идет о «частных беседах», состоявшихся у него на дому, и что если бы он знал, что беседы эти будут сообщены министерствам иностранных дел различных стран, он настоял бы на том, чтобы секретари не присутствовали при этих беседах, как это было вначале, или же чтобы по крайней мере в их числе присутствовал также американский секретарь. Соннино, Клемансо и Ллойд Джордж заметили, что «беседы» эти имеют столь важное значение и что они приводили к решениям столь капитальной важности, что было бы неудобно рассматривать их в качестве частных переговоров. Соннино заметил, что Орlando, вероятно, уже передал в Риме протоколы своему преемнику. Несмотря на настояния Вильсона, было признано, что невозможно воспретить ссылаться на эти заметки и приводить из них выдержки в отдельных случаях.

Заметками этими до настоящего времени пользовались различные авторы, в особенности американские (Рей-Стеннард Бэкер, назвавший эти заметки «Secret Minutes, Council of Four» в своей книге «Woodrow Wilson and World Settlement» и сопроводивший их фотографическими снимками некоторых отрывков); ими воспользовался, дав суммарное их изложение, француз Мермэ (*Mermeix, Le combat*

* На одном из последних заседаний были сделаны два фотографических снимка Четырех: на одном изображались только Четверо, на другом они были сняты вместе с секретарями. Вильсон заметил, что наряду с англичанином Хэнки, мной—итальянцем, и французом Манту недоставало американского секретаря. Он просил поэтому не сдавать в печать снимка с секретарями, «потому что это могло причинить ему неприятности в Америке». Так и было поступлено. Однако он подписал, подобно Клемансо и Ллойд Джорджу, представленную ему мной копию снимка.

des Trois); быть может, ими воспользуется Ллойд Джордж в дальнейшей части его книги «Военные мемуары», находящейся в печати.

Мои выдержки взяты не из заметок Хэнки, хотя я всегда их имел в виду, а из моих записей, каковые если и соответствовали по содержанию, как это естественно, записям Хэнки, тем не менее отличаются от них по своей форме. Я почти всегда воспроизвожу переговоры прямо и непосредственно, в то время как Хэнки, будучи в высшей степени точным, предпочел форму, более свободно передающую сущность предмета. Ни Хэнки, ни я не пользовались стенографией, но так как речи повторялись дважды и в подлиннике и в буквальном переводе Манту, это давало нам возможность в два приема записывать и дополнять наши заметки.

Повествовательная форма изложения и своеобразная манера Хэнки, обычно представлявшего свои протоколы Четырем в течение суток, рассматривать себя в качестве «официального секретаря» давали ему возможность допускать некоторое смягчение выражений, что я не считал для себя обязательным.

Я не сомневаюсь, что наступит день, когда ценные заметки Хэнки будут полностью опубликованы, но и в этом случае мои записи будут иметь, в особенности для Италии, дополнительное значение.

Можно спорить о правильности избранного мною метода, а также о том, уместны ли и соответствуют ли «сдержанности», о которой пишет Саландра в своей книге «Нейтралитет», или «скромности», которую рекомендует Франческо Гвиччардини, те личные замечания, которыми я иногда сопровождал переговоры Четырем и некоторые места моего Дневника. Но, будучи свидетелем столь значительных событий и решающих переговоров, я пытался изложить без прикрас и умолчаний историческую правду в более живом и обнаженном виде при передаче тех совещаний, которые должны были, по выражению Вильсона, явиться «Open covenants» [отрицанием тайной дипломатии], но происходили, ввиду особого его желания, при закрытых дверях. Я пытался воспроизвести если не все, то хотя бы некоторые из наиболее импульсивных и показательных выступлений в течение импровизированных бесед между участниками, не отказываясь при этом от возможно более точного изображения событий, их возникновения и обстановки, в которой они возникли, не избегая отмечать несовершенства и противоречия человеческого характера, некоторые простые и мелочные импульсы, проявлявшиеся даже у великих людей. Ибо, кроме мысли о скромности, я руководился мнением флорентийского историка, исследователя и мыслителя, полагавшего, что весьма трудно знать дела прошлых времен и получить правильное представление о событиях современных, ибо «часто дворец бывает отделен от улицы таким густым туманом и такой глухой стеной... а ложные и суетные мнения так легко разносятся по свету».

Л. А. М.

Болонья, 1 октября 1935 г.

I

НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(Июль — ноябрь 1914 г.)

Сараевское убийство и австро-венгерский ультиматум Сербии (28 июня и 23 июля 1914 г.)¹ относятся к периоду моего пребывания в Италии, где я, будучи в то время советником итальянского посольства в Вене, находился с 15 июня в служебном отпуске.

Эрцгерцога Франца-Фердинанда, считавшегося открытым врагом Италии, я знал только по его суровой и мрачной внешности; супруга его, которую я видел однажды на придворном балу в Шенбрунне, запомнилась мне своим живым и чарующим взглядом. Она сидела последней, со всеми эрцгерцогинями, на длинном и узком возвышении, сооруженном наподобие трона вдоль одной из стен зала, в котором император—простой, изящный, прямой—стоя беседовал с гостями. Крупные черты лица графини Хотек резко отличались от более тонких лиц ее соседок, но, будучи последней, она казалась первой благодаря выражению воли, светившейся в ее чудесных глазах. Великолепные волосы украшали ее лучше всякой короны.

В момент предъявления ультиматума я находился в Венеции.

Для дипломатического мирка, отдохавшего на венецианском Лидо², этот суровый документ и особенно факт вступления Австро-Венгрии в войну явились ошеломляющим ударом, главным образом для деловых людей, потрясенных создавшимся положением, первыми признаками которого явилось закрытие банков и прекращение приема иностранных денежных переводов, затем—для дилетантов в вопросах международной политики, высказывавших самые разноречивые суждения, для дилетантов в вопросах стратегии, предрекавших в общем молниеносно быстрое завершение войны.

Итальянцев особенно занимала позиция Италии, еще не высказавшей своего отношения к событиям.

Ввиду секретного характера статей договора о Тройственном союзе³, а также потому, что публике не был известен ход последних

событий, невозможно было обосновать или точно сформулировать какое-либо суждение.

Я прервал свой отпуск, но решил заехать в Рим в надежде получить какие-либо сведения, касающиеся создавшегося положения. В Консульте [министерстве иностранных дел] мне не удалось узнать ничего определенного, но начальник кабинета министра Сан-Джулиано в разговоре со мной выразил сомнение в том, что Тройственный союз продолжает еще существовать.

Я спросил, были ли получены от нашего посла в Вене герцога Аварны, которого я знал в качестве пунктуального информатора, сведения о намерениях и действиях союзницы. Мне ответили, что итальянское правительство получило известие об ультиматуме Сербии 23 июля от австро-венгерского посольства в Риме одновременно с извещением, что в тот же день после полудня он будет вручен белградскому правительству. Текст ультиматума был сообщен нам 24-го числа.

Как я уже упоминал, Аварну я знал в качестве пунктуального информатора. Он имел обыкновение отправляться в министерство иностранных дел почти ежедневно, а иногда и два раза в день. Старые лошади и старый кучер посла, ни за что не признававшего автомобиля, ежедневно после полудня стояли во дворе посольства в ожидании приказа доставить герцога Аварну на Баллаплац⁴. Но я пробыл с Аварной достаточно времени (с ноября 1913 г.), чтобы знать, что он не имел обыкновения выходить за пределы преподанных ему точных инструкций. В своих донесениях он буквально приводил содержание ответов на вопросы, формулируемые им в точном соответствии с этими инструкциями; но частью из скромности или добровольно принятой на себя позы посредственного человека, частью же из осторожности и профессионального формализма он не стремился прибавить к вопросам и ответам ничего своего или же по-своему осветить вопрос.

Расскажу анекдот.

Как известно, делегации Двуетидной монархии⁵ ежегодно собирались попеременно в Вене и в Будапеште. В последнем случае туда отправлялись министр иностранных дел и высшие чины Баллаплаца. Так было и в мае 1914 г.

Тот же порядок соблюдался в отношении главнейших дипломатических миссий, часть которых вместе с главой миссии отправлялась в Будапешт, остальные же оставались в Вене. Было установлено, что более важные политические вопросы должны обсуждаться главой миссии, находившимся в Будапеште и поддерживавшим контакт с министром иностранных дел и его ближайшими сотрудниками, менее же важные вопросы — советником посольства или первым секретарем, оставшимися в Вене.

Консульта, разумеется, была в курсе этого. Однажды я получаю из Рима телеграмму с предписанием выяснить наличие и число австро-венгерских офицеров в Албании, где с некоторых пор поло-

жение было беспокойно. Так как речь шла о вопросе меньшей важности и так как телеграмма была адресована в Вену в противоположность телеграммам по более важным вопросам, адресовавшимся в Будапешт, я отправился в министерство за получением сведений.

То, что мне было сказано, отличалось от того, что впоследствии было сообщено в Будапеште герцогу Аварне, который отметил это обстоятельство и телеграфировал мне, прося воздержаться от обсуждения в Вене политических вопросов, так как это могло «породить путаницу и разнобой, подобные нынешним, и помешать нормальному ходу работы».

По возвращении Аварны в Вену мы вновь затронули вопрос об этом небольшом инциденте, и я заметил ему, что, как бы то ни было, в результате сказанного нам в Вене и Будапеште удалось узнать правду. На что Аварна ответил: «А вы полагаете, что полезно знать правду?»

И в другом случае я имел возможность подметить эту психологию Аварны, а именно, по случаю встречи в Конопшште⁶, о которой расскажу ниже.

Поэтому, когда я был еще в Риме, мне пришла было мысль, что, быть может, какой-либо другой посол в Вене мог бы своевременно получить информацию от австро-венгерского правительства. Подобная информация могла бы иметь неисчислимые последствия: во-первых, если бы Италия своевременно получила точное извещение о замышлявшемся, она, быть может, смогла бы, как это было уже в 1913 г., о чем впоследствии Джолитти говорил в итальянском парламенте, предотвратить непоправимое выступление Австро-Венгрии против Сербии; во-вторых, если бы Италия при посредстве своего посла могла побудить союзницу держать ее в курсе своих намерений при серьезнейших политических обстоятельствах, как это предписывал договор о Тройственном союзе*, Австро-Венгрия не нарушила бы договора в отношении Италии, по поводу чего нам впоследствии пришлось выступать с жалобами и протестами со всеми вытекающими из этого последствиями.

Но если в первый момент в Риме у меня могло возникнуть подобное предположение, то полученные мною впоследствии сведения заставили меня от него отказаться.

Вена умышленно молчала; более того, она скрывала от нас свои истинные намерения.

* Статья I Тройственного союза, тексты которой в редакции 1891 г. и в возобновленных в 1902 и 1912 гг. редакциях тождественны между собой, была следующего содержания: «Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются соблюдать мир и дружбу между собой и не вступать ни в какие союзы или принимать на себя какие бы то ни было обязательства, направленные против одного из их государств. Стороны обязуются обмениваться взглядами относительно могущих возникнуть политических и экономических вопросов общего характера и, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку в пределах их собственных интересов».

В Берлине поступили примерно таким же образом с послом Боллати, человеком значительно более инициативным, чем Аварна.

Все это произошло, несмотря на то, что оба посла были, без всякого сомнения, *persona grata* для правительств, при которых они были аккредитованы.

Что касается Боллати, мне даже было сообщено, что, когда он после многочисленных бесед об общей политике спросил у статс-секретаря по иностранным делам Ягова, которого он знал много лет и считал другом, полагает ли германский статс-секретарь возможным, чтобы он, Боллати, спокойно отправился дней на 20 на какой-нибудь курорт, Ягов ответил ему утвердительно, и Боллати покинул Берлин 20 июля*.

Германские и австро-венгерские дипломатические документы, опубликованные после войны правительствами названных стран, не оставляют уже никакого сомнения в том, что союзники намеренно держали Италию в неведении относительно подготавливаемой ими акции, которая могла, как они это сознавали, повести к войне.

На это бросают свет, если в этом есть еще необходимость, собранные мною впоследствии сведения, которые я привожу ниже.

После декларации о нейтралитете Италии (3 августа), тотчас же по опубликовании германской «Белой книги»⁷, Боллати в своем донесении в Рим телеграфировал (5 августа):

«В „Белой книге“, представленной вчера рейхстагу, в кратком изложении обстоятельств сараевского покушения и предшествовавших ему и последующих событий германское правительство пишет следующее:

„При данном положении вещей Австро-Венгрия должна была сказать, что пассивное отношение к тому, что замыслилось по ту сторону сербской границы, несовместимо ни с достоинством, ни с безопасностью монархии. Австро-венгерское правительство известило нас об этой своей точке зрения и пожелало узнать наше мнение. От всего сердца мы выразили союзнице наше согласие с ее оценкой положения и заверили ее, что всякое действие, которое она сочла бы необходимым предпринять для прекращения в Сербии движения, направленного против целостности монархии, получит наше одобрение. При этом мы отдавали себе ясный отчет в том, что эвентуальное военное выступление Австро-Венгрии против Сербии вызовет вмешательство России и сможет, следовательно, в соответствии с нашим долгом союзницы вовлечь нас в войну. Но мы не могли, ввиду того что на карту были поставлены жизненные интересы Австро-Венгрии, ни посоветовать нашему союзнику несовместимую с его достоинством уступчивость, ни отказать ему в такой серьезный момент в нашей поддержке. Это тем менее было для нас возможно, что непрекращающиеся интриги чувствительно угрожали и нашим интересам. Если бы сербам было позволено и в дальнейшем с помощью России и Франции угрожать безопасности монархии, это могло бы иметь своим последствием постепенное разрушение Австро-Венгрии и подчинение всего славянства русской гегемонии, вследствие чего положение германской расы в Центральной Европе сделалось бы невозможным. Морально ослабленная Австро-Венгрия, уступающая напору русского панславизма, не смогла бы больше

* Но 23-го числа он вернулся обратно по распоряжению Сан-Джулиано.

явиться для нас союзником, с которым можно было бы считаться и на которого можно было бы положиться, как это было нам необходимо ввиду все более угрожающей позиции наших восточных и западных соседей. Поэтому мы предоставили Австро-Венгрии полную свободу действий в ее выступлении против Сербии“.

Все это настолько ясно, что не требует никаких комментариев для доказательства того, что выступление Австро-Венгрии было предварительно согласовано с Германией в предвидении военных осложнений. Единственное ограничение к этому предварительному соглашению выражено в следующей фразе: „в приготовлениях к такому выступлению мы не принимали участия“. Сегодня утром я говорил об этом Ягову, добавив, что ничего этого не было сообщено Италии, которая оставалась в неведении до самого последнего момента и лишь накануне получила от Австро-Венгрии сообщение о том, что именно она собиралась предпринять против Сербии. На все вопросы, с которыми я ежедневно обращался к нему по поводу намерений Австро-Венгрии, Ягов неизменно отвечал, что знает о намерении Австро-Венгрии энергично потребовать от Сербии удовлетворения, и находил это вполне законным, но что он не знает, каким именно образом будет действовать Австро-Венгрия, и что во всяком случае никаких серьезных осложнений из этого произойти, разумеется, не могло. На мои неоднократные замечания о том, что выступление против Сербии неизбежным образом повлекло бы за собой вмешательство России, Ягов отвечал, что Россия ограничится платоническими протестами, дипломатическими нотами, но в конце концов все ее действия, как и в других случаях, сведутся к блефу. Теперь, однако, определенно известно из официальных материалов, что, давая свое предварительное согласие Австро-Венгрии, Германия прекрасно отдавала себе отчет в тех последствиях, к которым это могло повести в отношении Франции. Ввиду этого безусловным долгом Австро-Венгрии и Германии, и не только в силу договора Тройственного союза, было предупредить другую союзницу, дабы дать ей возможность высказать свое мнение в деле столь огромной важности и по крайней мере принять необходимые подготовительные меры. Австро-Венгрия и Германия не сделали этого; наоборот, они поставили Италию лицом к лицу перед совершившимся фактом, предварительно согласованным между ними, и поставили ее в невозможность принять меры, а так как они, таким образом, нарушили свои обязательства в отношении нас, наше обязательство, предусмотренное трактатом, отпало. Если бы решение итальянского правительства нуждалось еще в каком-либо оправдании, то „Белая книга“ оправдание это представляет нам со всей очевидностью.

В купе венского поезда я оказался в обществе итальянской кинематографической «звезды» и аудитора⁸ папской нунциатуры⁹ в Вене, впоследствии кардинала, возвращавшегося к месту службы.

«Звезда» поведала нам, что едет повидаться со своим другом — венгерским офицером. Я спросил: «Ведь не обязательно *все* офицеры должны погибнуть на войне, не правда ли?» Аудитор не советовал ей продолжать путь из-за затруднительности проживания в Вене и выезда оттуда. «Говорят, что в Вене невозможно достать ни извозчика, ни такси. Банковские билеты утеряли свою ценность, принимаются лишь золото и серебро. Итальянцам готовятся трудные времена в Австрии».

«Звезда» упорствовала до Леобена, затем сочла за благо прервать свое путешествие.

На всех остановках встревоженные путешественники требовали газет, и многие, продолжая надеяться на быстрое окончание войны, искали известий о решающих событиях.

Прибыв в Вену 5 августа, я узнал, что Аварна уехал днем раньше в Рим вместе с военным атташе полковником Альбриччи на совещание. Не найдя в газетах известия об его отъезде, я выяснил, что австро-венгерской печати ввиду деликатного характера итало-австрийских взаимоотношений было предложено не опубликовывать известия об его отъезде, так как это могло породить нежелательные комментарии.

Я тотчас же ознакомился с последними дипломатическими документами, оставшимися мне неизвестными вследствие моего отсутствия из Вены, и поставил их в связь с документами, которые были мне известны ранее.

Прежде всего я вспомнил об одной беседе с Альбриччи, выдвинувшим предположение, что Австро-Венгрия стремится к войне, которой добивались различные австро-венгерские круги, враждебные Сербии как ввиду особых экономических интересов, так и по той причине, что небольшое балканское государство закрывало австро-венгерской монархии путь на Салоники. Аварна в моем присутствии предложил Альбриччи уточнить свою информацию и затем возражал ему, утверждая, что ни круги, ни группы не имеют значения в Австрии, где настоящий вес и значение имел один лишь император, который не хотел войны: «Император слишком много видел на своем веку неудачных для него войн, чтобы не желать избежать их в последние годы своей жизни».

Император Франц-Иосиф питал к Аварне большую симпатию. Этому способствовало, быть может, некоторое сходство между ними: совершенная корректность внешних манер, холодный бюрократический темперамент*, преклонный возраст.

* Отправившись однажды в Шенбрун справиться от имени е. в. короля Италии о здоровье императора, болевшего весной 1914 г., я был удивлен строгой простотой, граничащей с бедностью, императорской резиденции. Я поднялся на второй этаж, не встретив на своем пути ни часовых, ни слуг. Наконец, я натолкнулся на светлейшего князя Монтенуово — первого гротесмейстера двора; озябший, в шапке, с поднятым воротником, он

В связи с исполнившимся в 1914 г. десятилетием дипломатической миссии Аварны в Вене император, который раньше награждал его высокими знаками отличия, отправил ему 23 февраля 1914 г. собственноручное письмо, в котором он заверял его в своих «чувствах живейшей симпатии», выражая ему вместе с тем всю свою «признательность за отличную манеру, с которой он в течение этого периода выполнял задачу, возложенную на него дружественным и союзным сувереном».

Возможно, что нежелание войны, подмеченное в императоре герцогом Аварной, соответствовало действительности и что перемена произошла лишь вследствие неожиданного зверского убийства в Сараеве.

Однако после получения этого собственноручного письма Аварна, отправившись благодарить императора, имел с ним 1 марта 1914 г. важную беседу, которая может пролить некоторый свет на вышеуказанное обстоятельство.

Император говорил в этой беседе «о проводившихся Россией вооружениях и, вспоминая по этому случаю о пребывании в Петербурге в прошлом году начальника французского генерального штаба, не пользовавшегося особенным благоволением русских военных кругов, заметил, что эти вооружения были возможны благодаря займу, предоставленному России Францией, которая требовала от своей союзницы постройки стратегических железных дорог с целью завершения этих вооружений»¹⁰.

Франц-Иосиф добавил, что, как ему известно, «это было причиной беспокойства в Германии».

Император заявил далее, что он не сомневается в мирных намерениях царя, высказанных им еще недавно австро-венгерскому послу в Петербурге, где, однако, в других кругах имеются противоположные тенденции. «Это вызывает неуверенность в нынешней ситуации».

Франц-Иосиф отметил далее, что Англия, «к счастью, не следовала политике короля Эдуарда», и, наконец, заметил, что «общая ситуация в Европе в настоящее время такова, что ни одна из великих держав не может дать перевес своей особой точке зрения, не задевая других держав, ибо это могло бы создать положение вещей, могущее привести со временем к конфликту».

Во всяком случае в словах Альбриччи, несомненно, заключалось зерно истины.

Недавно прибыв в Австро-Венгрию и будучи поэтому в высшей степени восприимчивым к некоторым признакам, я также усмотрел известное предвоенное брожение. На это я уже указывал

проходил через нетопленные и пустынные комнаты по соседству с комнатой, где находился император. Такую же простоту можно было заметить в итальянском посольстве, где Аварна, пользовавшийся славой лучшего хлебосола Вены, ни разу не подумал о том, чтобы украсить стол или салоны хотя бы одним цветком.

в моем январском донесении 1914 г., когда ввиду отъезда Аварны в Италию я был поверенным в делах; затем я писал об этом в телеграмме, посланной в Рим 28 апреля, вскоре после свидания в Аббации (14—18 апреля)¹¹.

Телеграмма эта была отправлена в результате запроса Сан-Джулиано относительно одной фразы, помещенной в одной из моих предыдущих телеграмм, когда я вновь был поверенным в делах в отсутствие Аварны. Фраза эта принадлежала графу Форгачу, человеку большого ума и одному из наиболее выдающихся представителей Баллшпаца.

Моя телеграмма была следующего содержания:

«Вена, 28 апреля 1914 г.

Форгач отправился с Берхтольдом в Будапешт на совещание делегации и пробудет вне Вены четыре недели, поэтому я не имею возможности запросить его, „на каких соображениях публичного и культурного характера основывается его мнение о том, что вопрос об эвентуальном учреждении православной церкви в Эпире интересует преимущественно Италию, а не в равной мере Италию и Австро-Венгрию“. Однако мне кажется, что намек Форгача по этому поводу, так же как и другой его текстуальный намек на историческую ссылку о борьбе между романским и эллинским миром, можно связать с его мыслью об общем преобладании итальянских интересов в южной Албании. У меня нет достаточных данных, чтобы установить, исходят ли эти намеки графа Форгача из его еще более скрытой мысли о дальнейшем развитии и превращении этого нашего преобладания интересов в сферу влияния, протекторат, приобретения.

Без сомнения, в австро-венгерской печати чаще, чем в итальянской прессе, встречаются намеки на действия Австро-Венгрии и Италии в Албании.

Как известно вашему превосходительству, в здешнем министерстве иностранных дел имелаась тенденция трактовать Албанию скорее в качестве итало-австрийского поля действия, чем в качестве интернационализированного государства.

Для доказательства этого достаточно указать на позицию, принятую в отношении некоторых вопросов, как, например, заем и банк, которые, как здесь этого хотят, должны быть исключительно итало-австрийскими; на высказываемое здесь желание ослабить значение контрольной комиссии и в недавних случаях на благоприятное отношение к участию итальянских и австрийских офицеров в операциях в Эпире, а также на неблагоприятную позицию относительно участия войск других национальностей на северных границах. Тенденция эта дает именно возможность истолковать интернационализацию Албании, введенную на основании постановления Лондонской конференции¹², как „интернационализацию вдвоем“ и может быть поставлена в связь с тем фактом, что здесь полагают облегчить этим развитие специфической деятельности Австро-Венгрии в северной Албании.

Австро-Венгрия занимает более активную, чем мы, позицию в отношении Балкан, и недавнее обладание и потеря Новобазарского санджака¹³, быть может, наведет ее на соображения территориального порядка, относительно которых здесь между прочим не возникает никаких опасений, связанных с соблюдением принципа национальности.

Не входя, быть может, в намерения Берхтольда, это, вероятно, является интимной мыслью графа Форгача, который еще недавно весьма критически высказывался о принце Виде. Вероятно, Австро-Венгрия, испытав в связи с балканским кризисом разочарования и неудачи, стремится к реваншам.

Реванши эти трудно осуществимы в других областях, но здесь, возможно, надеются, что они будут достигнуты на Балканах. Ни Берхтольд, ни Форгач

никогда не проявляли большого интереса к австро-венгерской экспансии в Малой Азии, о чем в последнее время довольно много говорили*; более того, они старались выказать мне индифферентное отношение к этому вопросу. Форгач, наоборот, обнаруживал большой интерес ко всему, что касалось балканских вопросов, в особенности Сербии и Черногории. Можно, повидимому, допустить с известной вероятностью, что в случае возможных перемен на Балканском полуострове он попытается извлечь всяческие выгоды, используя также привилегированное положение, которое могло бы создаться для Австро-Венгрии в силу ее влияния и деятельности в Албании, особенно в северной Албании, представляющей между прочим первоклассную стратегическую позицию в отношении Сербии. Позиция Австрии в этом вопросе, возможно, выявится хотя бы частично во время дебатов на ближайшей сессии делегации в Будапеште¹⁴, а также при вступающих, повидимому, в обостренный период переговорах с Белградом относительно восточных железных дорог. Позиция эта, естественно, испытает влияние австро-венгерского монарха и руководителей Баллплаца, будь то нынешние руководители или же возможные их преемники. Что же касается Форгача, представляющего несомненно выдающуюся фигуру на Баллплаце, мне кажется, что смысл отмеченного вашим превосходительством намека может быть выяснен в связи с вышеизложенными соображениями.

Альдрованди».

О положении Австро-Венгрии я имел случай доложить устно председателю совета министров Саландре, который по прочтении вышеприведенного моего донесения пожелал видеть меня, когда я вскоре после того был проездом в Риме.

За последние недели в Вене и в Берлине более настойчиво говорилось о возможности осложнений на Балканах, и из конфиденциальных сообщений германского и австрийского послов в Риме Флотова и Мереи** можно вывести прямые и косвенные заключения, если принять во внимание, что и почему было ими сказано и что действительно означали, или, вернее, могли означать их слова.

Неоднократно нам делались секретные и конфиденциальные сообщения относительно тайных совещаний между Сербией и Черногорией, происходивших будто бы с согласия короля Николая.

4 апреля Флотов беседовал об этом с Сан-Джулиано и между прочим заявил: Германский император говорил об этой возможности, к которой как императору Францу-Иосифу, так и наследному принцу следует теперь же подготовиться. По мнению императора Франца-Иосифа, необходимо оказать сопротивление во

* В течение всего этого года Консульта вела деятельные переговоры в Лондоне, чтобы добиться осуществления некоторых наших притязаний в Малой Азии. Переговоры завершились 29 мая в Лондоне заключением конвенции между оттоманской железнодорожной компанией Смирна—Айдын е. и. в. султана и торгово-промышленным и финансовым обществом железных дорог Азиатской Турции, подписанной с итальянской стороны Б. Ногарой. Австро-Венгрия вела, со своей стороны, аналогичные переговоры одно время, повидимому, даже претендовала на «зону строительства», совпадающую с нашей.

** Как они фигурируют в неопубликованных телеграммах Сан-Джулиано и дипломатических документах, опубликованных в Австрии и Германии после войны.

что бы то ни стало; наследный же эрцгерцог полагает, что можно согласиться на это при некоторых условиях, из коих Флотову, по его словам, известно только одно, т. е. что расширявшаяся Сербия не должна получить выхода к Адриатическому морю и что поэтому черногорское побережье, включая, разумеется, Антивари и Дульчино, должно быть уступлено Албании.

Далее. В памятной записке маркиза Сан-Джулиано о свидании в Аббации (14—18 апреля 1914 г.), отправленной с курьером из Рима в итальянское посольство в Вене 30 апреля, интересно отметить в связи и в соответствии с вышесказанным следующий период: «Берхтольд далее говорил мне об опасности того, что в недалеком будущем на Балканском полуострове могут произойти территориальные изменения и что, быть может, крушение Османской империи не так уж далеко. Германский император, по его мнению, весьма пессимистически взирает на будущее Турции, и Венизелос высказал ему опасение, что Болгария войдет в соглашение с Сербией, присоединив к себе Каваллу и оставив Салоники Сербии. Но и без этого Берхтольд боится, что Балканская лига реформируется и Болгария в конце концов присоединится к ней».

Далее. Австрийский посол в Бухаресте и будущий министр иностранных дел Чернин 7 мая обратился к своему итальянскому коллеге Фашотти с вопросом, «как, по его мнению, итальянское правительство относится к возможности присоединения Черногории к Сербии. В частности он хотел узнать, согласится ли Италия принудить Сербию к тому, чтобы в этом случае вся прибрежная зона Черногории перешла к Албании с тем, чтобы таким образом закрыть доступ Сербии и, следовательно, России к Адриатике». Фашотти известил, что «Чернин уезжает через неделю в Австрию, где он встретится с наследником, с которым он находится в дружеских отношениях».

Далее. Согласно телеграмме, пересланной в Вену 10 июня, наш деятельнейший представитель в Бухаресте Фашотти писал следующее: «Я считаю своим долгом известить, что как Паллавичини*, так и Чернин и лица, посещающие здешнюю австрийскую миссию, вели речь, способную вызвать у авторитетных лиц, с которыми я говорил, впечатление, что в Австро-Венгрии сожалеют о том, что не прибегли к оружию в течение последнего балканского кризиса и что, если представится случай, не прочь сделать это теперь с целью поднятия престижа монархии. Мне известно по этому поводу, что король Кароль заявил, что он очень сдержанно высказывался по поводу указанного зондирования, произведенного Паллавичини, желая подчеркнуть, что Румыния не намеревается поощрять действий, направленных к нарушению европейского мира. Следовательно, если Сербия выступит в Албании, согласно

* Посол Австро-Венгрии в Константинополе, проезжавший через Бухарест.

сообщенной мне вашим превосходительством гипотезе, австро-венгерскую военную акцию против нее следует считать более чем вероятной. Во всяком случае итальянское правительство должно иметь в виду воинственные тенденции, которые, как здесь утверждают, все более усиливаются в Вене, в особенности в некоторых весьма влиятельных сферах»*.

Как известно, в первой половине июня (12—14-го числа) в Конопиште, в Чехии, состоялась встреча императора Вильгельма с эрцгерцогом Францем-Фердинандом.

В Австрии пресса получила инструкции отметить аполитичность этой встречи. Руководящие газеты монархии поместили передовицы, по смыслу которых вышеупомянутые лица встретились в Конопиште якобы для «созерцания цветущих там роз», которыми ранее интересовался император. Но во Франции очевидцы впоследствии утверждали, что в Конопиште не существовало достойных этого имени цветников роз и что в июне 1914 г. там не было ни одной розы в цвету.

Говорили, что если цель свидания была столь аполитична, то непонятно, почему германский император прибыл туда в сопровождении адмирала фон Тирпица, известного сторонника великогерманской политики, и почему эрцгерцог тотчас же после отъезда императора вызвал туда министра иностранных дел графа Берхтольда.

В опубликованных германских дипломатических документах указывается несомненная политическая важность названных переговоров**. Что касается Италии, то в Конопиште обсуждался вопрос о прочности Тройственного союза и возможности его распада, чему способствовали в части, касающейся Румынии, причастной к Тройственному союзу¹⁵, нелады между этим государством и Венгрией, вызванные политикой в отношении трансильванцев***. Но германский император, вернувшись после

* Аварна, запрошенный о его точке зрения по поводу этого сообщения, ответил 12 июня длинной телеграммой, типичной для его образа мыслей и стиля. Телеграмма заканчивалась следующим образом: «Укажу в заключение, что, насколько я могу судить, Австро-Венгрия в настоящий момент не руководствуется в своей политике воинственными тенденциями; она проводит политику осторожного выжидания и крайней бдительности, позволяющую ей держаться в стороне от происходящих на Балканах событий и наблюдать вблизи новую активность, которую проявляет там Россия; она поступает таким образом с целью предотвращения опасностей, которые могли бы угрожать ее интересам».

** «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XXXIX.

*** Было опубликовано (P. Nikitch-Boulles, Vor dem Sturm, и «Erinnerungen an Erzherzog Thronfolger Franz-Ferdinand», S. 82), что наследный принц намеревался взять с собой в Конопишт речь о возможности замены Тройственного союза возобновленным Союзом трех императоров.

Свидание в Конопиште состоялось в то время, когда в Италии происходили забастовки, беспорядки и восстания, закончившиеся так называемой «красной неделей» (7—14 июня).

недавней сердечной встречи в Венеции с итальянским королем¹⁶, «самой интимной из всех», без колебаний высказался за укрепление Тройственного союза. В этом смысле он должен был настаивать на необходимости встречи между итальянским королем и эрцгерцогом Францем-Фердинандом на больших германских маневрах в середине сентября около Касселя*.

В Конопиште обсуждалось положение в Албании, которая в этот момент переживала глубокий кризис, грозивший восстаниями и революцией. Эрцгерцог жаловался на дипломатического представителя Италии в Албании.

По мнению многих, в Конопиште было брошено семя превентивной войны¹⁷.

Опубликованные до сей поры документы не содержат доказательств этого. Однако следует отметить, что если об этом и говорилось, то беседа шла о таких деликатных вещах, что не следовало оставлять никаких следов**.

Как бы то ни было, о переговорах высокой политической важности, происходивших в Конопиште, итальянскому правительству ничего сообщено не было.

Берхтольд, который, как я уже указывал, был вызван в Конопишт эрцгерцогом немедленно после отъезда императора, ничего об этом не сказал герцогу Аварне.

Аварна узнал об отъезде Берхтольда в Конопишт и сообщил об этом маркизу Сан-Джулиано, как о чем-то совершенно случайном***.

* Встреча эта после официозного зондирования в феврале 1914 г. и получения согласия е. в. итальянского короля была формально назначена путем официального приглашения, сделанного в Венеции итальянскому королю германским императором, который через два дня в Мирамаре вновь говорил об этом с эрцгерцогом Францем-Фердинандом, выказавшим по этому поводу большое удовлетворение.

** Ягов в своей книге «Происхождение мировой войны» пишет следующее: «Распространяемая нашими врагами ложь о том, что война против Сербии была уже решена во время посещения е. в. императором эрцгерцога Франца-Фердинанда в Конопиште в июне 1914 г., должна быть самым решительным образом отвергнута. Наследный принц хотел показать своему державному другу цветущие розы в своем любимом богемском имении; визит носил чисто дружеский характер», но тотчас же добавляет: «Я при этом не присутствовал». Присутствовавший при этом адмирал фон Тирпиц не упоминает в своих «Мемуарах» о Конопиште, но заявляет: «Говорили, что Германия будто бы методически готовилась к войне, это—грубое измышление». Книга адмирала Тирпица представляет собой полемическое и апологетическое произведение и, как я укажу ниже, не всегда точно передающее действительное положение вещей (ср. прим. на стр. 22).

*** В своей телеграмме от 13 июня он уведомляет, что не может поговорить с графом Берхтольдом о различных делах до «понедельника или вторника, потому что он уезжает завтра в Конопишт по приглашению наследного принца и вернется лишь в один из названных дней». Он виделся с графом Берхтольдом 16 июня и информировал о своей беседе с ним в 10 телеграммах, касавшихся, как обычно, главным образом Албании. Ни в одной из них не говорится о свидании в Конопиште.

Как явствует из телеграммы германского посла в Вене Чиршки, граф Берхтольд говорил последнему по долгу службы о свидании в Конопиште 17 июня*.

Герцогу Аварне—ничего.

Аварна, со своей стороны, не спрашивал и не докладывал об этом, ограничившись тем, что послал Консульте мой доклад, в котором сообщалась, хотя и со смягченной кавычками иронией, версия о встрече для «созерцания роз».

Таково же было поведение Берлина.

В своей телеграмме в Рим, пересланной в Вену 6 июня, Боллати писал: «Германский император отправится 12 июня в Чехию в замок австро-венгерского наследника. Визит был намечен еще в прошлом году и подтвержден во время последней встречи в Мирамаре. Здесь утверждают, что визит этот не имел никакого особого политического значения, являясь лишь доказательством сердечности личных взаимоотношений между императором и эрцгерцогом».

Затем—молчание.

Разница в обращении двух союзников между собой, с одной стороны, и по отношению к Италии—с другой, весьма поучительна. Разница эта явным образом противоречит духу и букве статьи Тройственного союза, содержащей обязательство «обмениваться мнениями по могущим возникнуть политическим и экономическим вопросам». То же самое, как это хорошо известно и как я об этом уже упоминал, в более открытой и более серьезной форме повторилось в последующем июле в связи с австро-сербским кризисом.

Как бы то ни было, говорилось или не говорилось в Конопиште о превентивной войне, мысль о такой войне с некоторых пор имела хождение в Австро-Венгрии ввиду мероприятий России, направленных к увеличению армии и продлению срока обязательной военной службы, как это уже произошло во Франции. Вышеуказанные заявления императора Франца-Иосифа, сделанные им в личной дружеской беседе с Аварной, повидимому, дают некоторые косвенные указания на это, в особенности упоминание о «беспокойстве» Германии.

Мне вспоминается следующая фраза Ягова в одном более давнем сообщении из Берлина: «Франция нас постоянно провоцирует; мы не теряем терпения, но если она будет продолжать, мы ее раздавим».

Наконец, как явствует из моей телеграммы, которую я приведу ниже, Ягов еще в марте сказал Боллати, что Германия не желает войны и что она ничего не сделает, чтобы ее вызвать, что она, напротив, сделает все возможное для ее предотвращения, но что

* «Die Grosse Politik», B. XXXIX, S. 369.

она всегда готова принять вызов и что, по его личному мнению, «лучше, если она вспыхнет сегодня, чем завтра»*.

Я не мог не вспомнить этой фразы, читая в Италии полученную агентством Стефани из Берлина телеграмму от 25 июля, в момент вручения австро-венгерского ультиматума Сербии: «Газеты отмечают важное значение патриотических манифестаций, состоявшихся вчера вечером и поздней ночью. Некоторые газеты говорят, что после 1870 г. ничего подобного в Берлине не происходило. Аналогичные демонстрации происходили в провинции, где в театрах, ресторанах, кафе среди неопишемого энтузиазма исполнялись германские и прусские гимны».

* * *

Я застал в нашем посольстве в Вене атмосферу большой неопределенности. В первые дни войны и до нашей декларации о нейтралитете перед зданием нашего посольства были инсценированы демонстрации, как мне говорили, при помощи небольшого вознаграждения демонстрантам; в Вене тепло встречалось исполнение «королевского марша» и «гарибальдийского гимна»; затем наступила полоса, сильного временами, недовольства нами.

Не было недостатка и в подозрениях. Однажды я обратился к Форгачу, прося о предоставлении обычных проездных льгот венским корреспондентам итальянских газет, решившим возвратиться в Италию; Форгач в моем присутствии тотчас же запросил об этом по телефону надлежащее учреждение, причем я заметил, что собеседник его, которого он просил о допущении их к выезду, без выполнения обязательных в те дни формальностей, кратчайшим железнодорожным путем в Италию, повидимому, возражал ему, ссылаясь на передвижение войск к нашим границам**.

Среди различных враждебных нам манифестаций мне вспоминаются выставленные повсюду для продажи иллюстрированные открытки на тему о Тройственном союзе («Dreibund»). На открытках были изображены немецкий и австрийский солдаты, объединенные в «Zweibund» (Двойственный союз), и берсальер в виде бродяги («Vagabund»). Это была типично венская игра слов, которой война придавала оттенок горечи.

Некоторые из наших секретарей перестали ходить в Жокей-клуб, где им казалось неудобным бывать, но я был слишком убежден в беспспорности нашей позиции и наших прав, для того чтобы воздержаться от посещения клуба. Воздержание от посещения

* Адмирал фон Тирпиц в своих «Мемуарах» пишет: «Впоследствии безответственные и полусознательные лица, — но только они, — высказывали иногда следующие мнения: „Если война неизбежна, лучше, если она наступит раньше, чем позднее“». Ягов, разумеется, не «безответственное» лицо.

** Консульта телеграфировала в Вену о дошедших до нее слухах о том, что некоторые австрийские офицеры грозили «ударить на Тревизо» (11 августа).

было бы, пожалуй, благоразумным, но могло дать кое-кому основание утвердиться в ложной мысли о нашей неправоте.

В самом деле, помимо нарушения Австро-Венгрией статьи 1, ею был нарушен, как это мы немедленно и установили, также другой пункт союзного договора. В тот самый день, когда Сан-Джулиано ознакомился с текстом ультиматума Сербии (24 июля), он телеграфировал Аварне, предписывая заявить австро-венгерскому правительству, что, «если Австро-Венгрия будет без нашего предварительного согласия оккупировать территории даже временно, она в этом случае нарушит статью 7 договора о Тройственном союзе*, и что, следовательно, мы оставляем за собой все права в защиту нашей свободы действий, равно как и наших прав и интересов».

Аварна в отсутствие графа Берхтольда, о котором я буду говорить ниже, с буквальной точностью передал это 25 июля его заместителю барону Маккио и вновь сообщил о том же самому Берхтольду 1 августа.

Но Австро-Венгрия продолжала без предварительного соглашения с нами занимать сербскую территорию.

Зная это, я по обыкновению отправился в Жокей-клуб и никакой нелюбезности по отношению к себе не заметил.

Впрочем в Вене, быть может, была известна моя предшествующая позиция. В день нового года (1914), будучи в отсутствие Аварны поверенным в делах, я, принимая колонию, прочел и иллюстрировал незадолго перед тем выпущенный циркуляр маркиза Сан-Джулиано, в котором со ссылкой на вопросы общего характера утверждалось, что период «несамостоятельной политики» Италии окончился.

Итальянские газеты поместили сообщение об этом моем выступлении, и мне потом стало известно, что австрийский посол в Риме Мереи жаловался на это Консульте и моим знакомым.

* Статья 7 Тройственного союза гласила: «Австро-Венгрия и Италия, имея целью лишь сохранение в возможной мере территориально status quo на Востоке, обязуются оказывать свое влияние с целью предупреждения каких бы то ни было территориальных изменений, могущих нанести ущерб той или другой державе, подписавшей настоящий договор. В связи с этим они будут сообщать друг другу, необходимые сведения с целью взаимного осведомления о собственных мероприятиях, равно как и о мероприятиях других держав.

Однако в том случае, если вследствие событий сохранение status quo в области Балкан или оттоманского побережья и островов в Адриатике и Эгейском море оказалось бы невозможным и если бы вследствие анкции третьей державы или по какой-либо другой причине Австро-Венгрия или Италия вынуждены были изменить положение вещей путем временной или постоянной оккупации, оккупация эта будет произведена лишь по взаимному соглашению обеих вышеназванных держав. Соглашение это будет основано на принципе взаимных компенсаций за всякую территориальную или иную выгоду, которую каждая из них могла бы извлечь из существующего в настоящее время status quo, компенсаций, могущих удовлетворить интересы и обоснованные претензии обеих сторон».

Я имел случай подтвердить свою позицию при других обстоятельствах.

Согласно дипломатическому обычаю, впрочем, не особенно соблюдаемому в Вене, при окончательном отъезде главы миссии коллеги последнего отправлялись провожать его на станцию.

7 августа русский посол Шебеко покидал Вену.

Будучи поверенным в делах Италии, представителем державы, заявившей о своем нейтралитете, я, поразмыслив, также решил отправиться проводить русского посла, отозванного в связи с объявлением Австро-Венгрии войны России.

На станции из глав миссий находился только французский посол Дюэн*.

Известно, что, когда Сербии был предъявлен ультиматум, русский посол в Вене находился в отпуске.

Говорилось, что ввиду мягкости характера и некоторой барской беспечности графа Берхтольда, который был между прочим австрийским послом в Петербурге, откуда он вынес и где оставил по себе чувства глубокой симпатии,—на Баллплаце ему посоветовали отлучиться одновременно с отправлением ультиматума.

Совет этот был дан, повидимому, графом Форгачем, о котором я уже писал, бывшим послом Австро-Венгрии в Белграде, считавшимся одним из главнейших вдохновителей решительных действий против Сербии.

На Баллплаце объяснили, что Берхтольд должен был отправиться, как это было совершенно естественно в подобные решительные моменты, в Ишль, где находился император.

Как бы то ни было, с 25 по 27-е число в Вене никто не мог видеть Берхтольда.

Русский поверенный в делах Кудашев тщетно пытался лично связаться с ним, желая срочно просить его по поручению своего правительства отсрочки ультиматума Сербии, и вынужден был ограничиться посылкой ему телеграммы, на которую граф Берхтольд ответил из Ламбаха, отказав в какой бы то ни было отсрочке**.

Посол Шебеко на вокзале жаловался на отсутствие Берхтольда в эти роковые дни. «Однако,—сказал мне Шебеко,—из разговоров, хотя и запоздалых, которые мне удалось вести с Берхтольдом, я вынес впечатление, что мы могли бы разрешить австро-сербский вопрос, если бы не произошло постороннего вмешательства». Шебеко присовокупил, что он получил от Берхтольда определенное заявление о том, что австро-венгерская мобилизация являлась лишь оборонительной мерой, а не выпадом против Рос-

* Помнится, однажды утром я сказал ему, что в одной из наших газет напечатано сообщение, будто картина «Джоконда» была найдена во Флоренции, и в ответ на его вопрос о судьбе картины я успокоил его, говоря, что итальянское правительство решило вернуть ее в Луврский музей. Он был так доволен, что предложил мне великолепный завтрак в честь этого радостного события.

** Ср. австро-венгерскую «Красную книгу», докум. 20.

сии, на что он, Шебеко, ответил аналогичным же четким заявлением относительно русской мобилизации.

Отбытие поезда со станции, куда совершенно был закрыт доступ публике, произошло без инцидентов, в отличие от некоторых случаев отъезда дипломатических миссий из Берлина*.

На Баллплаце я встретил корректный и любезный прием. В ответ на предъявленную мной 9 августа начальнику секции барону Маккио жалобу по поводу военного инцидента на черногорском побережье, причинившего ущерб интересам итальянской компании в Антивари, мне было незамедлительно обещано возместить убытки, и обещание это было подтверждено удовлетворительной нотой, доставленной мне в понедельник, 10 августа.

Если принять во внимание обычную медлительность императорского и королевского министерства в выполнении наших запросов, можно представить себе, какую перемену означала эта необычайная поспешность.

Австро-венгерская нота была составлена в следующих выражениях:

«Ввиду того что Черногория, несмотря на советы итальянского королевского правительства, объявила войну австро-венгерской монархии, пришлось в силу требований войны разрушить радиотелеграфную станцию в Антивари.

Военный министр Австро-Венгрии, которому не было известно о том, что станция принадлежит частному обществу, выражает сожаление по поводу того, что мера эта причинила ущерб итальянским подданным. Поэтому императорское и королевское правительство заявляет о своей готовности по окончании войны полностью возместить ущерб, нанесенный итальянским интересам, за исключением того случая, когда возмещение это международным правом не предусмотрено.

Что же касается навигации по озеру Скутари, императорское и королевское министерство позволяет себе добавить, что никаких препятствий в этом не будет оказано».

Привожу также мое донесение, относящееся к тому времени:

«Вена, 11 августа 1914 г.

В течение в высшей степени любезных бесед с Берхтольдом, Маккио, Форгачем мне за эти дни удалось установить нижеследующее: 1) никаких упреков с их стороны относительно занятой Италией позиции; 2) особое стремление угодить нам по различным нашим запросам к ним; стремление это, которое заметно было также у чиновников Баллплаца, повидимому, вызвано какими-то особыми инструкциями.

Как я уже сообщал вашему превосходительству, в печати не появляется никаких известий, касающихся Италии, и это, как мне определенно известно,

* В Берлине испанского посла с женой, отправившихся на вокзал провожать английского посла, толпа чуть было не подвергла линчеванию в то время, когда они возвращались в посольство. Так пишет в своем «Дневнике» от 12 августа 1914 г. лорд Берти оф Тэм (v. I, p. 16).

является результатом действий цензуры и внушений Баллплаца, оказывающего на австро-венгерскую прессу огромное и решающее влияние.

Хотя общественное мнение вообще разочаровано нашей позицией, мне неизвестно, чтобы имели место какие-либо серьезные инциденты, враждебные королевским подданным.

Итальянское посольство особо охранялось и охраняется полицейскими агентами, но никакой необходимости в защите посольства не оказалось, так как никаких манифестаций против него не происходило.

Аналогичное доказательство теперешнего характера директив австрийского правительства заключается в том, что начальник отдела печати министерства заявил некоторым австрийским журналистам для их сведения и руководства, что нейтральная, но благожелательная к своим союзникам позиция Италии выгодна во всяком случае австро-венгерско-германскому блоку, ибо вследствие этого Франция будет вынуждена из осторожности не обнажать итало-французской границы.

Указанное поведение австро-венгерского правительства имеет, повидимому, какое-то отношение к проявлениям недовольства, на которые я указывал вашему превосходительству в предшествующей моей телеграмме, а именно здесь в достаточной мере распространено подозрение, что Италия может нарушить нейтралитет в ущерб Австрии и что поэтому Австрии следует постараться избежать этой опасности.

В этом смысле могут быть истолкованы заботливые заверения австро-венгерского правительства относительно Ловчена и незамедлительное предложение о возмещении ущерба, нанесенного итальянским интересам в Антивари.

Считаю нужным отметить, что подозрение в возможности нашего выступления против Австрии не должно внушать удивления здесь, где во время итало-турецкой войны во многих кругах без всякого стеснения говорилось, что момент этот, быть может, наиболее удобен для нападения на Италию.

В Вене нынешняя ситуация вызвала вообще чувство депрессии. Здесь, несомненно, не наблюдается ни энтузиазма в связи с войной, ни берлинских руссофобских демонстраций. Здесь не было никаких враждебных манифестаций против русских дипломатических представителей, которые покинули Вену без инцидентов.

Во многих кругах распространено мнение, что Германия желала войны и, чувствуя себя готовой, сочла нужным покончить с выжидательной политикой еще до того, как Россия в военном отношении станет слишком сильной.

На Баллплаце было хорошо известно мнение Ягова, содержание которого Боллати резюмировал в марте текущего года, а именно, что Германия не хотела войны и ничего не сделала для того, чтобы вызвать ее, и, более того, сделала все возможное для ее предотвращения, но была всегда готова принять в ней участие и что по его личному мнению „было бы лучше, если бы это случилось сегодня, а не завтра“*. Отсюда следует, что Австро-Венгрия, воображавшая, что ей удастся ограничить свою войну, чувствует себя в настоящее время как бы на поводу у Германии как в смысле действий, так и последствий

* В телеграмме из Берлина, переданной из Консульаты в Вену от 6 марта 1914 г., заявления Ягова были сделаны по поводу цитированной послом Боллати статьи в газете «Kölnische Zeitung», «в которой перечислялись военные приготовления России, по заявлению газеты с очевидностью свидетельствующие о намерении пойти войной против Германии; этого не удалось осуществить в прошлом году из-за недостатка средств; война, несомненно, вспыхнет через три или четыре года, когда в России будут закончены материальное снаряжение и стратегические железные дороги, ведущие к границам». По поводу этой статьи русским правительством были предприняты шаги. Германское правительство решило тогда публично дезавуировать рейнскую газету, чего оно вначале не хотело делать. Сообщая о словах Ягова, касающихся урегулирования этого инцидента, Боллати в другой телеграмме из Берлина, пересланной в Вену 19 марта, писал: «Но слова Ягова не выра-

большой войны, а так как она не предвидела ее и не уверена в победе, то испытывает значительные затруднения.

Из лиц, которых я видел в министерстве, один только Форгач завел речь о нынешней ситуации; он сказал мне, что поведение Сербии за последнее время было в высшей степени агрессивным. Он подтвердил мне правильность ежедневных сообщений австрийской прессы относительно умиротворения и единения в целях войны всех национальностей монархии и цитировал мне места, касающиеся чехов и немцев в Чехии, движения австрийских полков против России и „патриотизма“ итальянцев в Триесте. Он выказал глубокую веру в совершенство военной организации Германии, радовался австро-германским военным успехам, но в течение беседы неоднократно касался тех огромных усилий, которые вынуждена делать Австро-Венгрия; он исключал возможность послышки ею войск во Францию, равно как и возможность инициативных действий в Албании; и не знаю, из неверия ли в окончательную победу или из скрытой попытки заставить нас отказаться от нейтралитета, он произнес также следующую фразу: „Вы, так боявшиеся в Адриатике Австрии, которая, конечно, не была для вас опасной, но представляла собой справедливое итало-австрийское равновесие в этом море, вы окажетесь в несколько ином положении, когда французы будут в Каттаро“.

Альдорованди».

* * *

Аварна, во время своей поездки в Рим подавший прошение об отставке, взял его обратно, как ему было предложено, повинувшись чувству дисциплины, и вернулся в Вену.

Вернулся также Альбриччи, вынес чувство отвращения, внушенное ему оскорбительной грубостью чрезвычайной военной миссии, посланной в те дни императором Вильгельмом в Рим с целью вовлечь Италию в войну на стороне центральных держав. Он вынес также убеждение в невозможности принудить итальянский народ выказать сочувствие выступлению, при сложившихся обстоятельствах, на стороне Австро-Венгрии.

Саландра рассказывал, что, считая отзыв итальянского посла в Вене в тот момент в высшей степени несвоевременным, он просил личного вмешательства короля, чтобы убедить Аварну не настаивать на своей отставке*.

жали чрезмерной уверенности в длительном улучшении отношений между обеими странами: в прессе обеих стран продолжается весьма оживленная полемика, и некоторые инциденты вроде задержания германских авиаторов на много дней в Перми¹⁸ и случай с русским капитаном, арестованным в Кельне, не способствуют, разумеется, улучшению положения. Равновесие продолжает оставаться неустойчивым и может быть нарушено незначительными причинами».

* Как я уже указывал, Аварна пользовался большим расположением императора Франца-Иосифа. В тот момент было в высшей степени полезно, чтобы он оставался в Вене, но позднее, когда начались оживленные переговоры между Римом и Веной, Аварна вел себя с максимальной лояльностью, его позиция в период июльского кризиса, хотя и внушала доверие австро-венгерскому правительству, могла, быть может, представить некоторые неудобства ввиду особого положения лица, ведущего переговоры. Поэтому по прибытии в Рим бывшего германского канцлера фон Булова в качестве чрезвычайного посла и по опубликовании письма Джюлиитти я спросил Сеннино: «Отчего бы вам не назначить Джюлиитти чрезвычайным

Но в Австрии вначале полагали, что Аварна не вернется, и Мереи был отозван из Рима.

Форгач известил меня об этом 10 августа, сообщив, что, «так как состояние здоровья Мереи было весьма серьезным и требовало операции, советник посольства Амбрози телеграфно запросил уполномочить Мереи немедленно возвратиться в Вену»*. Министрство дало свое согласие. Форгач присовокупил, что он очень сожалеет о том, что Мереи не может остаться в Риме, где посольством должен будет управлять Амбрози. В заключение Форгач заявил, что «состояние здоровья Мереи требовало нескольких месяцев лечения, в течение какового срока не предполагается заменить Мереи». Но на следующий день барон Маккио, исказив заявление Форгача, сказал мне, что «ввиду очевидности толкования, которое в настоящий момент могло быть дано отъезду Мереи и тому факту, что австро-венгерское посольство в Риме осталось без посла, он сам назначен туда послом. Он надеялся получить агреман».

Многим казалось, что эту внезапную перемену следует приписать неожиданному возвращению Аварны в Вену и что вначале предполагалось сохранить оба представительства на равном положении, с двумя поверенными в делах—Амбрози и мною—вместо двух послов, но возвращение Аварны изменило решение австро-венгерского правительства.

О личности Мереи, его характере, его недостатках много писалось итальянцами, австрийцами и иностранцами. Умный и усердный чиновник, но недоверчивый и желчный, он не питал ни симпатии, ни уважения к Италии и итальянцам, казался всегда недовольным и хмурым, хотя и обладал отличными манерами. Но за последнее время произошли различные инциденты, усилившие напряженность отношений между ним и Сан-Джулиано, который часто, почти ежедневно, с ним встречался.

В поведении Сан-Джулиано был некоторый элемент лояльности, который, казалось, не встречал признания со стороны Мереи**.

послом в Вену? Согласится он или не согласится, приглашение это могло бы быть полезным правительству». Но Соннино по различным причинам не хотел об этом и слышать.

* В первом предложении о коммюнике относительно отъезда Мереи из Рима, подлежащем передаче агентству Стефани и отредактированном в австро-венгерском посольстве, было буквально сказано: «Ввиду поразившего его нервного удара, исключающего возможность какой-либо умственной работы, е. п. г-н де Мереи, посол Австро-Венгрии при е. в. итальянском короле, уступая настояниям своего врача...» и т. д. и т. д.

** Помнится, в 1913 г. я был послан в Бухарест с секретным поручением, связанным со вступлением Румынии в Тройственный союз. В поезде я встретился с одним итальянским журналистом, пожелавшим узнать, куда я еду. Чтобы предупредить возможность нескромных расспросов с его стороны, я ответил, что еду в Константинополь, и, действительно, из Бухареста я вернулся в Италию через Константинополь. Венские газеты сообщили о моем

Несомненно, Сан-Джулиано работал по мере сил для улучшения отношений между Италией и Австро-Венгрией. Но едва благоприятные результаты достигнутыми, как новые инциденты вновь обостряли разногласия, как, например, декреты Гогенлоэ в Триесте в 1913 г. или антиитальянские демонстрации в марте 1914 г. в Триесте и Спалато и в апреле в Фиуме, или же кровавое столкновение 1 мая в Триесте, вызвавшее бурную реакцию в Италии.

Инциденты эти, хотя и улаживались от случая к случаю, оставляли неизгладимые следы, усугубляли трения, создавали между двумя странами враждебную атмосферу.

Другим очагом опасных трений была Албания.

Соглашение об итало-австрийском паритете в Албании являлось постоянным стимулом к расхождению, а не к сотрудничеству.

Два дипломатических представителя—австриец Левенталь и итальянец Алиотти,—желая обеспечить за собой и собственной страной успешное влияние, в своем усердии временами выходили за пределы данных им соответствующими правительствами инструкций. Алиотти значительно превосходил своего коллегу умом, хитростью и активностью. Инциденты следовали один за другим, принимая все более обостренный характер, австро-венгерское посольство в Риме реагировало на них со всей резкостью. По этому поводу австро-венгерский советник однажды (10 апреля 1914 г.) заявил, что он должен протестовать против «неискренности», проявленной итальянским правительством по случаю поставки оружия албанскому правительству. Сан-Джулиано вынужден был потребовать извинения, что по приказу графа Берхтольда и было исполнено ввиду предстоявшей встречи в Аббации (14 апреля), причем Сан-Джулиано заявил, что он туда не поедет, если предварительно не получит требуемого удовлетворения.

Несколько недель спустя (26 июня) Мереи зачитал Сан-Джулиано полученную им от Берхтольда телеграмму, в которой по существу выражалось подозрение, что Италия хочет отказаться от политики совместных с Австрией действий в Албании и добивается падения принца Вида и замены его мусульманским принцем, с тем чтобы создать в Адриатике как бы второе Марокко. Мереи говорил, что Австрия никогда не согласилась бы на такое решение вопроса и должна будет предпринять, по версии Берх-

пребывании в Турции, связывая его с какими-то переговорами о Додеканезе. По возвращении в Рим я передал Сан-Джулиано привет от нашего посла в Константинополе Гаррони. Сан-Джулиано сказал мне: «От Гаррони? Вы были в Константинополе?» Я объяснил причину. «Отправьтесь немедленно к Мереи,—сказал мне Сан-Джулиано,—и расскажите ему, почему вы были в Константинополе. Мереи спрашивал меня, по какому делу вы ездили в Константинополь, а я категорически отрицал слух о том, что вы там были». Мереи встретил мои объяснения смешком, выражавшим не то удовлетворение, не то недоверие.

тогда, шаги в Берлине для торжественного подтверждения решений Лондонской конференции, по версии же Мереи—быть может заключить соглашение с Грецией или же предпринять «кое-какие действия, гораздо более энергичные, чем думают в Италии, которые явятся для нее самой неприятной неожиданностью»*.

В разгар сараевского кризиса¹⁹, 2 июля, германский посол Флотов по поводу все той же Албании конфиденциально сообщил Сан-Джулиано об опасности, которую может создать попытка Австрии неожиданно овладеть Ловченом.

В качестве как бы заключительного аккорда Мереи 18 июля заявил Сан-Джулиано, что, по его мнению, итальянское правительство ведет в Албании неискреннюю и нелояльную политику, противоречащую взятым ею в отношении Австрии обязательствам. Он утверждал, что у него имеются доказательства и что он мог бы написать целую книгу в 500 страниц в подтверждение этого.

Однако Мереи не представил этих доказательств, и, когда Аварна по распоряжению Сан-Джулиано передал вопрос Берхтольду, последний объявил 23 июля, в день вручения ультиматума Сербии, что «Мереи никогда не подвергал сомнению лояльность итальянского правительства»**.

* Как об этом впоследствии (27 июня) телеграфировал Аварна, запрошенный по этому поводу министром Сан-Джулиано, ни Берхтольд, ни Форгач не делали нашему послу в Вене во время бесед с ним никаких намеков относительно угроз, о которых говорил Мереи.

Сан-Джулиано, передавая разговор с Мереи, проводил ясное различие между мероприятиями «по Берхтольду» и мероприятиями «по Мереи». Аварна сообщал: «Хотя у меня нет положительных признаков, следует предположить, что угроза Мереи о возможности какого-либо энергичного акта по нашему адресу со стороны Австро-Венгрии была высказана им под давлением высокопоставленного лица, принимающего после недавней болезни императора еще более активное участие во внутренней и внешней политике монархии и нередко косвенным путем снабжающего инструкциями послов, как об этом мне когда-то говорил сам Мереи». Высокопоставленным лицом был, повидимому, эрцгерцог Франц-Фердинанд, убитый 28 июня—в тот самый день, когда телеграмма Аварны, содержащая вышеуказанные сведения, была получена Консультой.

** Привожу из телеграммы Сан-Джулиано к Алиотти, переданной по почте в итальянское посольство в Вене 18 июня, следующие места из инструкции: «Считаю нужным резюмировать для вашего сведения общие установки политики королевского правительства, основанные на учете интересов нашей страны не только в албанском, но и в других вопросах и на знакомстве, которое, разумеется, там у вас не может быть полным, с международным положением. Абсолютно необходимо, чтобы добрые отношения между итальянским и австро-венгерским правительствами были сохранены, улучшены и чтобы их агенты в Албании прониклись убеждением, что в случае их компрометации никакие частичные успехи в Албании не смогут возместить ущерба, который был бы этим обстоятельством нанесен обеим державам и всей европейской ситуации. Необходимо, чтобы с нашей стороны не подавалось никакого повода Австрии для обвинения нас в нелояльности и к тому, чтобы она сочла себя вправе совершить какой-либо акт, могущий повести к серьезным последствиям; необходимо, чтобы все наши агенты лояльно

* * *

Сказанное мною может дать представление, хотя и неполное, о том, каковы были отношения между Италией и Австро-Венгрией и в какой атмосфере отношения эти развивались.

Но, несмотря на все, Сан-Джулиано находил необходимым стойко придерживаться политики соглашений, убежденный в том, что это диктуется жизненными интересами Италии и даже Италии и Австро-Венгрии.

26 мая 1914 г. в ответ на интерпелляции депутатов по поводу недавних событий в Албании Сан-Джулиано выразился следующим образом в итальянском парламенте: «Изложенные мною факты и вытекающая отсюда ситуация, возможные в будущем события являлись и являются предметом деятельного обмена мнениями между мною и графом Берхтольдом, проникнутого тем взаимным доверием и совершенной лояльностью, которые всегда составляли, составляют и будут составлять прочную основу наших сердечных и близких взаимоотношений».

Заявления эти кажутся насмешкой над действительностью тем, кто знает, что за ними последовало и что должно было последовать. Заявления эти выражали крайние усилия Сан-Джулиано, направленные к достижению целей Тройственного союза. Но если они не соответствовали действительности, они отвечали духу и букве «паритета» в Албании и договора о Тройственном союзе, а именно статьи 1, касающейся «обмена мнениями», которая, как мы видели, не получила применения в отношении нас как в предыдущих случаях (Конопишт), так и при более серьезных обстоятельствах — в связи с австро-сербским кризисом.

Нельзя отрицать, что затруднения в отношениях между Италией и Австрией, весьма далеких от возвещенных Сан-Джулиано сердечности и близости, вызывались индивидуальными особенностями представителей обеих стран. Как рассказывает Саландра в своей книге «Нейтралитет», австро-венгерское правительство неоднократно пыталось при германской поддержке добиться отъезда Алиотти, но итальянское правительство не согла-

и строго придерживались духа и буквы соглашений, существующих между Италией и Австро-Венгрией. Если окажется, что это не соблюдается с австрийской стороны, не следует делать того же, а нужно доставить королевскому правительству серьезные данные, которые позволили бы ему выступить в Вене с представлением и снабдить вас соответственными инструкциями об охране наших интересов и нашего престижа...

Более того, я думаю, что опасному дипломатическому соревнованию между вами и Левенталем следует предпочесть лояльный и искренний обмен мнений и выработку между вами двумя и соответствующими консулами в Валлоне и Скутари и соответствующими делегатами контрольных комиссий общей линии поведения. В случае, если это не удастся, следует принять меры, дающие королевскому правительству возможность доказать венскому, берлинскому и бухарестскому правительствам, что это происходит по вине австрийских, а не итальянских должностных лиц».

шалось, не желая, таким образом, дезавуировать собственного представителя, за которым оно признавало много заслуг. Итало-австрийские отношения из-за Албании стали таковы, что в известный момент Сан-Джулиано писал, что отозвать Алиотти—значило бы сделать из него в глазах нации в высшей степени популярного героя (3 июня). Однако ввиду продолжавшегося усугубления трений Сан-Джулиано решил рассмотреть вопрос о замене Алиотти, но при условии одновременного замещения его австро-венгерского коллеги. Сан-Джулиано вначале предполагал послать в Албанию Сфорцу, бывшего в то время послом в Пекине; Аварна формально предложил Сан-Джулиано назначить меня. Затем произошли более важные события, и Алиотти остался.

Немногое, сказанное мною выше о Мереи, дает некоторое представление о его личности.

Напомню еще, что недавно по случаю религиозной церемонии, состоявшейся в Риме 7 июля в память эрцгерцога Франца-Фердинанда, на которой ни один представитель итальянского короля официально не присутствовал из-за неполучения приглашения, а председатель совета министров Саландра еще и по состоянию здоровья, Мереи написал Сан-Джулиано частное письмо, полное жалоб и псевдоостроумных и язвительных обвинений.

Незадолго до того Сан-Джулиано возвратил ему другое, еще более резкое, письмо.

* * *

Преемником Мереи был назначен, как я сказал, фон Маккио, происходивший, как и Мереи, из мелких дворян и обладавший хорошими и дурными качествами многих австрийских чиновников—бюрократическим усердием и бюрократической неповоротливостью ума.

Он до этого времени занимал должность начальника секции на Баллплаце, т. е. выполнял функции, непосредственно следующие за функциями министра иностранных дел. Помнится, он имел обыкновение вечером усаживать собеседника в кресло как раз под электрической лампой, в то время как сам оставался более чем в тени, почти в темноте, в малоосвещенной комнате. Это был слишком очевидный прием, позволявший ему следить за физиономией собеседника, который оказывался, таким образом, как бы жертвой своего рода инквизиции и нравственной пытки; это не способствовало созданию симпатии и доверия к нему*.

* Человек менее острого ума, менее тонкий психолог и, быть может, менее неблагоприятный, но более апатичный и неповоротливый, чем Мереи, Маккио упорно выказывал обычное для многих иностранцев поверхностное восхищение перед художественной и живописной Италией.

При своем назначении в Рим он высказал мне это. Об этом упоминается также в небольшой книжке («Wahrheit»), которую он опубликовал в 1931 г. в качестве отчета о своей бурной миссии, в которой среди серьезных полити-

Август, сентябрь и октябрь я провел в Вене, в атмосфере надежды и опасений австрийцев относительно исхода войны, которая вопреки первоначальным предположениям оказывалась продолжительной.

Мне помнится, что нервная атмосфера в Вене достигла такого напряжения, что однажды, в момент французской победы на Марне, один прохожий, увидев в дверях одной гостиницы двух иностранных дипломатов различной национальности, говоривших в моем присутствии на французском языке, начал бурно протестовать против употребления вражеского языка и, даже узнав национальность собеседников, продолжал энергично протестовать, что повело к неприятному инциденту.

В Жокей-клубе один из виднейших членов клуба клялся, что никогда больше его нога не ступит на почву Франции.

16 октября умер Сан-Джулиано вследствие ревматического приступа, явившегося завершением длинной серии страданий, терзавших его всю жизнь.

До последней минуты он продолжал работать в постели, принимал послов, составлял телеграммы. 10 октября он виделся с германским послом Флотовым и вновь обсудил с ним вопрос о причинах войны и промахах Австрии; 11 октября он беседовал с австрийским послом, 12-го — с английским. В ответ на вопрос английского посла, просившего «указать приблизительный срок, к которому Италия сможет принять окончательное решение», он ответил, что пока не видит мотивов для значительных перемен, но что «правительству, разумеется, не удастся увлечь страну на путь больших жертв и военного риска, не обеспечив ей в случае победы по меньшей мере естественных границ Италии и подобающего ей положения в Адриатике» (телеграмма в Лондон от 12 октября)*. Барону Маккио, выразившему радость по поводу

ческих и полемических вопросов проходят почти романтические страницы с описанием поездок в Римскую Кампанию и свидания в Аббации, в котором Маккио принимал участие. Как указывает подзаголовок «Князь Бюлов и я в Риме», в этой книге ведется полемика с мемуарами бывшего германского канцлера, который был послом в Риме в 1914—1915 гг. Но, оставляя в стороне вопрос об искренности писателя, в этой книге встречаются явно неточные утверждения, заставляющие сомневаться в истинности остальной части книги. Так, например, королева Маргарита указана в ней как немецкая принцесса; говорится также, что на дипломатическом обеде 11 ноября 1914 г. тост в отсутствие послов Франции и Англии был произнесен американским послом, между тем как тост был произнесен послом Испании; начальник кабинета Соннино дважды назван Бианкери, в то время как начальником этим был я; там говорится, что газета «Tribuna» помещалась во дворце Шарра, между тем как в этом дворце помещалась «Giornale d'Italia» и т. д. Подобные же непроверенные и ошибочные сведения содержатся в более важных данных, опубликованных в австро-венгерской «Красной книге» (1915 г.), в посылавшихся им официальных телеграммах, касающихся его миссии.

* Реннел Родд в «Social and Diplomatic Memories» (Ser. 3, p. 223), описывая это свое посещение Сан-Джулиано, рассказывает: «Я видел его

улучшения его здоровья, что «доставит большое удовольствие в Австрии», Сан-Джулиано ответил, что и без него «Саландра будет продолжать ту же политику: пока не имеется никаких оснований менять ее».

Черновик отправленной в Вену телеграммы, содержащей сообщение об этой последней беседе, был написан, как обычно, рукой Сан-Джулиано, карандашом, который ему было удобнее держать в пораженных ревматизмом руках; почерк, хотя и неясный, свидетельствует, однако, в наиболее важных местах и в подписи о твердой и уверенной в себе воле.

Если когда-либо будут полностью опубликованы его телеграммы, в особенности телеграммы, относящиеся к периоду между 23 июля и 4 августа, можно будет убедиться в смелости, остроте, гибкости и упорстве мысли Сан-Джулиано.

Быстро, лояльно действовал он в Вене, Берлине, Белграде, Лондоне, Петербурге, Париже, формулируя предложения, давая согласие, предлагая посредничество и отсрочки в целях предотвращения катастрофического столкновения, которое он предвидел.

Человек сильного, деятельного ума и глубокой культуры, Сан-Джулиано временами выказывал притворный цинизм, под которым в действительности скрывалась глубоко патриотическая и порой даже сентиментальная основа.

По смерти Сан-Джулиано во временное исполнение обязанностей министра иностранных дел вступил председатель совета министров Саландра, который 18 октября произнес в Консульстве фразу о необходимости для Италии руководствоваться соображениями «священного эгоизма».

Как явствует из только что приведенных телеграмм Сан-Джулиано, окончательное решение Италии, не будучи еще вынесено, было уже намечено.

Ясно, что наши исторические и жизненные интересы вынуждали нас зорко присматриваться и чутко прислушиваться.

Итальянская и гарибальдийская кровь приносилась в жертву во Франции и как бы предвещала собой будущие более крупные жертвы. Наиболее видные люди и партии в Италии уже не допускали мысли об абсолютном нейтралитете: Панталеони, Коррадини и Федерцони — в «*Idea Nazionale*»; Корридини — среди синдикалистов, Биссолати — в различных газетах, Торре и Ди Джорджио — в «*Corriere della Sera*», Габриэль д'Аннунцио —

последний раз 12-го числа. Его ум был ясен и остер, как всегда, но малейшее движение причиняло ему боль. „Видели, — спросил он, — последнее официальное извещение германского императора? Его величество соизволил в признание больших услуг, оказанных дому Гогенцоллернов, пожаловать дворянское достоинство *Alter Deutscher Gott* [старому немецкому богу], который впредь будет называться господом фон Богом“. Корчась от боли, он смеясь рассказывал об этом».

в чудесной оде, звучавшей как упрек и как призыв (13 августа), написанной на французском языке и опубликованной во Франции.

Что касается «*Corriere della Sera*», мне впоследствии говорили, что германское посольство в Риме ввиду позиции, занятой этой крупной миланской газетой, обнаруживая полную бестактность и антидипломатическую тяжеловесность, обратилось в Консульту с вопросом, нет ли какого-либо способа «воздействовать в денежной форме» на эту газету.

Саландра, бывший уже давно в контакте и согласии с Соннино, в соответствии с переговорами, начатыми еще Сан-Джулиано, приказал (это было в период его временного руководства министерством) высадить в Валоне «санитарную миссию». Это произошло 29 октября. За этим последовала «временная» оккупация небольшого островка Сасено у входа в Валонскую бухту; оккупация эта была выполнена 30 октября десантным отрядом при поддержке одной батареи с корабля «Дандоло».

По получении телеграфного сообщения об этом в Вене с предписанием довести его до сведения австро-венгерского правительства Авариа поручил мне исполнить приказ. Я сообщил об этом Форгачу, который при этом даже бровью не повел, но мне показалось, что он проглотил ответ, не похожий на данный им вслед за тем, не без внутреннего усилия, уступчивый ответ, выразивший согласие*.

В первых числах ноября Саландра добился сотрудничества Соннино в министерстве иностранных дел. Соннино вначале сомневался, но затем решил принять важное назначение. Почти одновременно с известием об этом в итальянское посольство в Вене пришла телеграмма Саландры, вызывавшего меня в Рим по служебным делам.

Я выехал в тот же день.

Помнится, когда я отправлялся на Баллплац проститься, в числе других, с графом Форгачем, с которым мне приходилось часто соприкасаться**, он спросил меня о Соннино.

Я ответил: «Это был убежденный сторонник Тройственного союза».

«Вы говорите „был“», — отметил Форгач.

* Это мое воспоминание было уже описано именно в этих выражениях, когда я ознакомился с перепиской между Саландра и Соннино, опубликованной Арриго Сольми в «*Nuova Antologia*» от 16 февраля 1935 г. В двух письмах Соннино, советуя занять Сасено и Валону, пишет: «Знай, что то, что не было сделано вначале, невозможно сделать после. Если сначала державы простят тебе Сасено, то после проглотят также и горный край» (17 сентября 1914 г.). «Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что занятие Сасено и Валонской бухты должно быть произведено немедленно, без чьего бы то ни было разрешения... Теперь все в нерешительности, все готовы проглотить любую обиду» (26 сентября 1914 г.).

** Эти встречи были особенно приятны ввиду живого, хотя временами и резкого, ума этого человека. Помнится, однажды, когда война уже началась

Уже говорилось и писалось о том, что Соннино в начале войны высказывался в том смысле, что необходимо держаться на стороне союзников и соблюдать договор. Таковы были понятные всем чувства лойяльного человека. Но ни Соннино, ни другие, за весьма немногими исключениями, в момент предъявления ультиматума не знали о том, как Австрия обошлась с нами и что она нарушила одно из существенных условий Тройственного союза.

Вспоминается еще, что Форгач во время моего прощального визита, почти признавая преступные промахи и неоткровенное поведение австрийцев, повторил то, что он говорил мне раньше, — что болезнь Мереи в дни кризиса представляется весьма плачевным обстоятельством и что поэтому текст ультиматума Сербии был доставлен Сан-Джулиано «с опозданием»*.

Впоследствии выдвигалось мнение, что Австрия и не собиравшись по этому поводу точно информировать Италию, боясь, что Италия воспротивится этому, как в 1913 г., согласно приведенному выше разоблачению Джиолитти, или же, быть может, информирует об этом других.

Форгач думал также настаивать в этом случае на том, что он говорил раньше, а именно, что ввиду сербских преступных заговоров война Австро-Венгрии против Сербии является чем-то в высшей степени «оборонительным».

Я уехал из Вены, не зная, по каким причинам Саландра вызывал меня. По прибытии в Рим я отправился во дворец Браски. Саландра сказал мне, что Соннино вызывал меня для назначения начальником его кабинета.

Я тотчас же отправился к Соннино. Ни с Саландрой, ни с Соннино не было ничего сказано с точностью о ближайших намерениях Италии**; Соннино закончил беседу следующим образом: «Господи, благослови!»

Де Мартино, генеральный секретарь министерства иностранных дел, с которым я завел беседу по этому вопросу, также не высказал определенной мнения или предположений. Он ответил

и Италия объявила о своем нейтралитете, Форгач в разговоре со мной в шутиливой форме и, быть может, не без намерения придать своим словам смысл политического назидания выразил сожаление об исчезновении таких приятных дипломатических резиденций, какими являлись Неаполь, Флоренция... Я не смог удержаться, чтобы не ответить ему, что я испытываю те же самые чувства по поводу исчезновения такой дипломатической резиденции, как Варшава.

* Здесь можно напомнить, что берлинская «Lokal Anzeiger», считавшаяся официальным органом, писала 22 июля следующее: «Нота, которую Австро-Венгрия отправит Сербии, была в конфиденциальном порядке сообщена Риму и Берлину. Оба союзных правительства вполне ее одобрили». Сообщение это в части, касающейся Рима, как мы видели, лишено основания: Рим ознакомился с текстом ультиматума только 24-го числа.

** Несколько лет спустя в некоторых частных письмах, отправленных Соннино лицу, к которому он питал глубокую дружбу и полное доверие, я имел случай прочесть следующее: «22 октября 1914 г.... Благодарю

мне: «Я убежден, что Италия благополучно выйдет из этой войны». — «Не вступая в войну?» — спросил я его. Он продолжал сохранять сдержанность.

5 ноября я приступил к исполнению своих обязанностей.

Помнится, я распорядился переменить на своем столе зеленое сукно, пришедшее в негодность. К следующему утру работа была выполнена, но зеленое сукно было заменено яркокрасным. Войдя в комнату, я был поражен этим цветом. Именно на этом сукне кровавого цвета Соннино, находясь в моем кабинете, подписал в мае заготовленную мною телеграмму, содержавшую распоряжение герцогу Аварне объявить войну Австро-Венгрии от имени итальянского короля.

Занимаемый мною пост напомнил обо мне многим, потерявшим меня из виду уже несколько лет, но одно из писем было мне особенно приятно. Во время приема итальянской колонии в Вене в день нового года я, как уже упоминал об этом, иллюстрировал циркуляр Сан-Джулиано об окончании «несамостоятельной политики» Италии. Отклоняя вопросы присутствующих, я между прочим добавил, что считаю задачей дипломатии предотвратить инциденты и устранить их последствия, если эти инциденты будут иметь место, и что помимо этой отрицательной деятельности дипломатия должна «подготовить в тиши положительные факты». Фраза эта просочилась на страницы газет. Последняя часть этой фразы была приведена в 1—2-м выпусках IX тома «Архива Верхнего Адидже» Этторе Толомеи. Среди корреспонденции, полученной мною в Риме в ноябре 1914 г., в одном из писем находился анонимный листок с вырезкой из «Архива», содержавшей эту фразу. На конверте была австрийская марка. Письмо было отправлено из деревни в округе Больцано.

вас за последнее ваше письмо и за те пожелания, которые вы делаете мне в предположении, что Саландра обратится ко мне по поводу министерства иностранных дел. Пока нет никаких намеков на это... Пока ничего нового в судьбах войны и в поведении Италии. Я считаю вероятным, что пойдут в Валуно, — не могу понять, почему так медлят с этим, — но это ничего не изменит в общем положении, и дальнейшего развития событий придется, вероятно, ждать в будущем году». А под датой 25 октября я прочел: «После отправки моего письма позавчера, 23-го числа, я получил в Кверчианелла вызов из Рима и прибыл сюда сегодня ночью, вместо того чтобы отправиться во Флоренцию. Думаю, что мне удалось убедить Саландру в том, что в настоящий момент было бы ошибкой передавать принятое им на себя временное управление министерством иностранных дел и что следует отложить на будущее всякое решение. Впрочем, пусть газеты говорят, что им угодно, я не опровергаю никаких их утверждений и предположений» (ср. прим. на стр. 241).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 28 июня 1914 г. в городе Сараеве были убиты приехавшие на военные маневры наследник австро-венгерского престола Франц-Фердинанд и его жена. Сараевское убийство послужило поводом к австро-венгерскому ультиматуму Сербии и последовавшей затем первой мировой войне.

² *Лидо*—пляж в Венеции.

³ *Тройственный союз* между Германией, Австро-Венгрией и Италией возник в мае 1882 г. В основе Тройственного союза лежали австро-германский союзный договор от 7 октября 1879 г., союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией от 20 мая 1882 г. 6 мая 1891 г. этот союз был возобновлен. Основными статьями этого союза были статьи 2 и 3 (они были одинаковы в договорах 1882 и 1891 гг.). Эти статьи устанавливали, что «в случае, если Италия без прямого вызова с ее стороны подвергнется под каким бы то ни было предлогом нападению Франции, обе другие договаривающиеся стороны обязаны оказать атакованной стороне помощь и содействие всеми своими силами. Такое же обязательство ляжет на Италию в случае нападения Франции на Германию без прямого вызова со стороны последней» (статья 2), и далее: «если одна или две из высоких договаривающихся сторон без прямого с их стороны вызова подвергнутся нападению и будут вовлечены в войну с двумя или несколькими великими державами, не участвующими в настоящем договоре, то *casus foederis* [обстоятельства, требующие исполнения договора] наступит одновременно для всех высоких договаривающихся сторон» (статья 3).

Тройственный союз был фактически нарушен в августе 1914 г. в связи с тем, что итальянское правительство отказалось вступить в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии и объявило нейтралитет. При этом итальянское правительство указывало, что статьи 2 и 3 союзного договора неприменимы в этом случае к Италии, так как обстоятельства, предусмотренные в этих статьях, не имели места. В мае 1915 г. Италия, как известно, в результате переговоров с союзниками вступила в войну на стороне Антанты.

⁴ *Баллплац*—площадь в Вене, на которой находилось здание министерства иностранных дел Австро-Венгрии. «Баллплац» называют министерство иностранных дел, так же как «Кэ д'Орсе» во Франции, «Вильгельмштрассе» в Германии и т. д.

⁵ *Делегации Двуетдинной монархии*—две делегации, численностью в 60 человек каждая, ежегодно выбиравшиеся парламентами Австрии и Венгрии. В их компетенцию входили вопросы, касавшиеся только общих министерств, т. е. министерства иностранных дел, военного и финансов.

⁶ *Конопшиц*—замок, принадлежавший австро-венгерскому наследнику Францу-Фердинанду.

⁷ *Германская Белая книга*. В германских Белых книгах, так же как в английских Синих, в русских Оранжевых, во французских Желтых, в итальянских Зеленых и в австрийских Красных книгах, были опубликованы дипломатические документы, касавшиеся возникновения первой мировой войны.

⁸ *Аудитор*—чиновник папской канцелярии.

⁹ *Нунциатура*—папская дипломатическая миссия, возглавляемая нунцием. Нунций римского папы равен по рангу послу, а легат—посланнику.

¹⁰ Имеется в виду пребывание Жоффра в августе 1913 г. и совещание начальников русского и французского генеральных штабов.

В июне 1913 г. французское правительство выразило желание предоставить России государственный заем для реализации программы железнодорожного строительства. Условиями этого займа Франция выдвигала

требования, чтобы: 1) постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом, была предпринята немедленно и 2) наличные силы русской армии в мирное время были значительно увеличены. Русское правительство эти предложения приняло.

¹¹ *Свидание в Аббации 14—18 апреля 1914 г.*—свидание итальянского министра иностранных дел маркиза Сан-Джулиано с австро-венгерским министром иностранных дел графом Берхтольдом. Оно было связано с вопросом о посылке военных инструкторов в Албанию под предлогом сохранения ее целостности, которая находилась под угрозой в связи с начавшимся в 1913 г. движением за независимость в северном Эпире, принадлежавшем Албании. Было решено, что Австро-Венгрия и Италия пошлют по равному количеству офицеров одинакового звания, деятельность которых должна будет ограничиваться только обучением местной милиции. Окончательное утверждение этого соглашения должно было состояться после консультации с генеральными штабами Австро-Венгрии и Италии.

¹² *Лондонская конференция.* Имеется в виду конференция послов 6 великих держав (России, Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии) в Лондоне в 1913 г., во время первой и второй Балканских войн. На этой конференции 29 июля был подписан органический статут Албанского государства. По этому статуту Албания была признана автономным государством под иностранным контролем. Контроль над гражданским управлением и финансами поручался международной контрольной комиссии. Жандармерия организовывалась под руководством голландских офицеров. По постановлению конференции Албания должна была управляться европейским принцем. Таким принцем в ноябре 1913 г. был избран германский князь, принц Вид (в самом начале мировой войны бежавший из Албании). Борьба между империалистическими державами вокруг Албании не прекращалась, и в дальнейшем Италия и Австрия пытались утвердиться в Албании, а Россия и Франция всячески поддерживали претензии Сербии, Греции и Черногории.

¹³ *Новобазарский санджак*—область между Сербией и Черногорией. До 1912 г. Новобазарский санджак принадлежал Турции; после первой Балканской войны он был разделен между Сербией и Черногорией. В настоящее время входит в состав Югославии.

¹⁴ О сессии делегации в Будапеште см. прим. 5 на стр. 38.

¹⁵ Имеется в виду союзный договор между Румынией и Австро-Венгрией, заключенный 30 октября 1883 г. и возобновлявшийся в 1892, 1896, 1902 и 1913 гг.

¹⁶ Встреча состоялась 26 марта 1914 г.

¹⁷ *Превентивная война*—предупредительная война. Перед 1914 г. каждая из готовившихся к войне коалиций (Тройственное согласие и Тройственный союз) помышляла о предупредительной войне, т. е. войне, начатой раньше, чем другая сторона закончит выполнение очередной программы вооружений.

¹⁸ 1 мая 1914 г. пермский окружной суд приговорил немецких летчиков Гаазе и Николаи по обвинению в шпионаже к 6 месяцам одиночного заключения.

¹⁹ Под сараевским кризисом автор имеет в виду внешнеполитическую обстановку, в которой происходила подготовка австро-венгерского ультиматума Сербии.